

Коллекция Современной Прозы



АНАТОЛИЙ
РАЙТАРОВСКИЙ

ГОНКА ЗА «ГОНЦОМ»

Анатолий Райтаровский

Гонка за «Гонцом»

Серия «Коллекция современной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57181358

Гонка за «Гонцом»: Интернациональный Союз писателей; Москва;

ISBN 978-5-907306-93-6

Аннотация

Ночью на участок пенсионера-садовода Влекумова падает небольшой космический аппарат. К нему привлечено внимание научных организаций и спецслужб США, Израиля, Китая, а также террористов. Влекумов из любопытства исследует аппарат, НАСА направляет своего сотрудника, женатого на племяннице Влекумова и напичканного без его ведома спецаппаратурой, Китай посылает красавицу Хо Чу. Все сталкиваются на шести сотках садоводства...

Содержание

1	7
2	15
3	33
4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анатолий Райтаровский

Гонка за «Гонцом»

© А. Райтаровский, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Составитель серии Оксана Ковалевская

*** * ***



Родился в 1937 г. в Киеве. Войну пересидел в Сибири. Отец и дяди воевали, дядя Федор погиб.

После войны отец служил в армии под Москвой, потом в Ленинграде, где А. Райтаровский в 1953 г. окончил с серебряной медалью школу № 5 (бывшая гимназия К. Мая), поступил в Военно-механический институт, окончил его в 1959 г. со специальностью «взрыватель». С тех пор по 2009 г. работал на предприятиях ВПК, в 1973 г. стал кандидатом технических наук, после чего занялся серьезным делом – стал сотрудничать с «Кабачком 13 стульев» в качестве одного из авторов реприз, а также публиковал в газетах и журналах так называемые «фразы».

В XXI веке перешел к «крупногабаритным» формам, итог – два романа, пять повестей, сборник афоризмов. Как трибуну использовал «Самиздат», по предложению ИСП стал издаваться в его органах. На настоящий момент издан один роман и два малых произведения. Является номинантом премии М. Ю. Лермонтова, член ИСП.

1

Пенсионер-садовод Влекомов вздрогнул и проснулся. Проснулся и вздрогнул. По невыключенному телевизору шел какой-то боевик с грохотом и пальбой, с мужественным героем, которого не берет град автоматных пуль, зато каждый ответный выстрел героя из пистолета укладывает от одного до трех противников. Причем не просто укладывает, а отшвыривает к стене, заставляет кувыркаться, как чемпионов мира по акробатике или клоунов на манеже.

Выбирать было не из чего. В этом районе, в ста километрах от Питера, на границе с Новгородской областью, влекомовская антенна в паре со стареньким «Рекордом» принимала одну программу, иногда, по настроению (погоды), две. Сегодня пара была не в настроении. И за то спасибо, и это почти рекорд.

Под грохот задремал, под грохот проснулся. Но осталось такое ощущение, будто тряхануло взаправду.

«Во наострились эффекты создавать!» – спросонья подумал Влекомов и глянул на будильник. Будильник валялся возле включенной лампы и честно тикал.

– Пошевелиться во сне нельзя! – недовольно пробормотал Влекомов. – Он, видите ли, хромоногий! А я? У меня две железки в ноге, причем из разных металлов. Там электролиз идет!

Влекумов поднял будильник и посмотрел ему в лицо. Без четверти два. Можно честно отходить ко сну. Он прислонил будильник к лампе, потянулся к телевизору и выключил его, потянулся к лампе и выключил ее. Крякнул и улегся поудобней.

Вредный будильник воспользовался темнотой и шлепнулся навзничь. Влекумову лень было шарить в темноте. Ограничился кратким: «Засранец!» – облегчил душу и спокойно заснул.

Утро – самое светлое время дня во влекомовской светелке. Известно, «утро начинается с рассвета», а на рассвете солнечным лучам удастся напрямую проникнуть в окошко, прорвавшись меж стволов не вырубленных Влекумовым берез и елей. Его «бунгало» в лесу стояло. Только полторы сотки с западного края, заголенные, были отведены под огород. С юга перед домом высажены несколько фруктовых деревьев. Но мощные корни берез и елей их хилые корни не одолели.

Урожай культурных культур были слабые, обильные – только у сорняковых. Из овощей же Влекумов уважал кабачки – за большие красивые цветы и весомый результат.

По совокупности перечисленных достижений правильнее было бы обзывать его дачником, а не величать садоводом. Так или похуже выражались за глаза некоторые истинные садоводы-профессионалы, у которых и парники застекленные стояли, и картошки по два центнера родилось, и клубника

на ухоженных грядках то бледнела, то краснела.

Зато проходившие в магазин мимо его участка хозяева из других садоводств оторопело подталкивали друг друга локтями и восхищались:

– Ой, сказка прямо!

Некоторые тут же на месте раскаивались:

– Эх, зря мы у себя все вырубили!

Слыша такое, невидимый в зарослях Влекомов млел от гордости.

Но и запущенное хозяйство требует пригляда, и в это утро Влекомов собрался наконец починить ступеньки входа на вторую веранду, служившую некогда спортзалом и мастерской.

В ней стоял стол для пинг-понга – плита ДСП на козлах, на нем же, помимо перекидки шариков, осуществлялись изредка отдельные хозяйственные операции, например резка стекол.

Эта вторая веранда была сляпана лично Влековым из закупленных до дефолта материалов и осталась недоляпанной. Но время от времени возникала необходимость в ее посещении, то есть и в постановке ног на ступеньки.

Ступеньки же этого не могли вынести, а Влекомов не мог привить им должное терпение, даже при помощи молотка и гвоздей. Верхняя ступенька все же проявила некоторую сговорчивость, нижняя заупрямилась, и тогда Влекомов решил попросту подпереть ее камнем. Камни были разбросаны по

участку, их макушки кое-где торчали из земли, прикрываясь обильными травяными зарослями. Чтоб головку не напекло.

Время собирать камни для остальных садоводов давно прошло, лет пятнадцать назад, когда они шли на фундаменты для времянок и прочие хознужды. Для Влекомова, ввиду ограниченности его нужд, время сбора неограниченно растянулось. Но вот сегодня пробил час очередного камня.

Влекомов стоял у веранды, зыряка по сторонам: а не завалился ли камушек где поблизости?

Завалился! Вон макушка торчит! Влекомов побрел за лопатой.

Продолговатый камень был легко выковырян из земли, и, хоть оказался не слишком тяжелым, перекатыванием доставлен к упертой ступени и подсунут под нее. Наполовину.

Поскольку Влекомову показалось, что на стороне камня, очищаемой от грязи при подсовывании под ступеньку, проявились какие-то знаки. Следовало разобраться.

Влекомов вытащил камень обратно, сорвал пучок травы и стал начищать им бока камня.

Рот его открылся, глаза остановились – пенсионер впал в ступор.

Дело в том, что знаки ему не померещились. И очищенный камень был не совсем камень, а отсвечивал матовым блеском, скорее присущим титану или металлокерамике.

Из ступора его вывел трехкратный чих на соседнем участке, последовавший за ним смех и приятный женский голос:

– Влекомов, ты проснулся? А?

– Попробуй поспать под твои чихи! – пробормотал Влекомов, запахнул предмет под ступеньку и тогда отозвался: – Пораньше тебя!

– Иди завтракать! – без обиды отозвался женский голос, но добавил с ехидцей: – Неужто работаешь?

Обладательница приятного голоса и легкой ехидцы появилась на тропинке, соединяющей участки. Моложавую, ее можно было бы назвать статной, если бы не натянутые по случаю утреннего холодка многочисленные рубашки и кофты.

– Замерзаешь, старушенция? – оплатил ей Влекомов.

– Не говори, – закивала соседка. – С вечера не протопила, а к утру замерзла! Не вставать же топить!

– Конечно! – поддержал ее Влекомов. – Не хочешь топить – держи около кровати бутылку!

– Ой, верно! – обрадовалась соседка. – У меня в холодильнике есть!

– А ты кофты напяливаешь! – с укоризной сказал Влекомов своей бывшей супруге. – Да я на твоём месте в маечке гулял бы уже, а не дребезжал зубами и членами!

– Это ты неизвестно чем и зачем дребезжишь! – немедленно откликнулась бывшая. – Бестолку! – добавила она, не удержавшись.

– А ты откуда знаешь? – сделал удивленное лицо Влекомов. – Это вне сферы твоей... компетенции!

– Ну иди давай! – рассердилась наконец экс-супруга к вящему-пущему удовольствию экс-супруга. – А то холодное жрать будешь!

– Бегу, бегу, добродетельная пани! – засуетился довольный Влекомов. – Только вот руки вымою!

Лучшую из своих бывших жен – так высокопарно именовал он Эмилию, в просторечии – Милу – хитрый Влекомов поселил рядом, когда бывший сосед по дачному строительству под давлением семьи перебрался ближе к Питеру. Оплатил половину стоимости домика, мол, дочке общей чтобы от него хоть что-то осталось.

Благодарная Эмилия взяла на себя обязанности по подготовке пищи на двоих. Сгоряча пообещала даже приглядывать за влекомовским огородом. Но весь жар ушел на ее собственный огородик, а Влекомов только получил возможность, бродя среди своих зарослей, наблюдать ее неполный контур, состоящий из пары стройных ног, увенчанный округлостью, незаслуженно именуемой точкой, притом не первой по счету. Верхняя же половина контура была невидна и занята каким-то непонятным шебуршанием на грядках.

В городе экс-супруги жили далеко друг от друга и по очереди заезжали один к другому в гости, а случалось, совершали совместные вылазки в город – в театр, в музей, на прогулку.

Многие подруги Эмилии, в основном одинокие, завидовали ей:

– Вот это отношения, о которых можно мечтать! Постоянных обязанностей нет, постоянного обслуживания не требуется, а от скуки гарантирована! Не одинокая! И ссориться некогда и не из-за чего!

Тут они заблуждались, впадая в идеализм. Влекомов и Влекомова (Эмилия сохранила фамилию экс-супруга) и в этих сложных условиях находили возможности для ругани. Этому способствовал врожденный ехидный характер Влекомова. Эмилия же в результате многолетнего общения с ним сумела обзавестись лишь легкой ехидцей.

Время от времени у нее возникала необоснованная надежда выдоить из Влекомова какую-нибудь конкретную пользу типа забитого гвоздя, зиждущаяся, видимо, на наличии у него ряда вторичных половых признаков. Вот и сейчас Эмилия взяла себя в руки, подождала, когда Влекомов перешел к чаю, всасывая его, горяченный, с блаженно зажмуренными глазами, и осторожно намекнула:

– Не покачивает на веранде?

– Да ты всего по одной налила! – обиделся Влекомов. – И то, чтоб самой согреться!

– Веранду перекосило мою! – отбросила Эмилия дипломатию. – Приподнять бы ее да опору поправить или еще одну подвести!

– Это можно, – кисло согласился экс-супруг. – Вот свою ступеньку доделаю...

– Угу! На следующей неделе, значит, – кивнула Эмилия.

Влекомов пожал плечами.

2

– Интересно, на каких идиотов это рассчитано? – кивнул на экран телевизора депутат Госдумы, член Комитета по науке и образованию «моноросс» Иванов Борис Натанович, доктор филологических наук. Докторскую диссертацию он защитил уже в депутатах. Можно ходить в кандидатах наук, будучи кандидатом, но депутатом – как-то неприлично, следует становиться доктором наук.

Секретарь Бэллочка покосилась на экран, прислушалась к голосу комментатора и, кокетливо улыбнувшись, показала рукой за окно. Борис Натанович заржал от души, утробно:

– А ты права! Они скушают! Им чем больше желтизны, тем вкуснее. Истинные проблемы науки им неинтересны и непонятны! – Иванов взглянул на Бэллочку затуманенным взором и, воодушевившись, продолжал: – Они считают, что, заплатив свои жалкие налоги, имеют право смотреть и слушать все, что им интересно. То есть – сплетни, слухи, любую чепуху, которая возбуждает их нездоровое любопытство!

«Понесло! – с досадой подумала Бэллочка. – Ему же минут пятнадцать требуется глаголить, чтобы добиться эрекции!»

Она сегодня спешила: у нее предстояло свидание, которое могло стать решающим. А ведь надо будет принять душ, сменить белье, нанести макияж. А Борис ни на какие спосо-

бы, испытанные на нем искусной Бэллочкой, не реагировал. Только на собственные зажигательные речи.

«Может, он потому и в депутаты пошел? – догадалась Бэллочка. – Потому и летит в кабинет после заседания комитета, запирается...»

И Бэллочка начинает спешно расстегивать свои кофточ-ки-юбочки. Жаль, Борис не позволяет заранее снимать колготки. Сколько их пострадало!

Правда, он компенсирует потери с избытком, но ведь надо же выходить на улицу, в коридоры, в туалет, наконец!

– А ты держи запасные на рабочем месте! – посоветовал ей как-то удовлетворенный шеф.

Практичность была его отличительной чертой.

Бэллочка теперь так и делала. И еще перешла на чулки с резинками. Целее, быстрее и сексуальнее. Быстрее Борису не очень нравилось. Пропадали элементы преодоления сопротивления.

Пришлось Бэллочке заменить указанные элементы дополнительной дозой стонов и вялых уверток.

На том и сошлись. В этот раз тоже.

Расположившись грудью на столе, Бэллочка имитировала страсть и досматривала передачу, послужившую причиной внепланового соития.

– Таким образом, – заключил эксперт на экране, – расшифровка знаков, наряду с анализом химического состава материала аппарата и его радиоуглеродной датировкой, яв-

ляются первоочередными задачами по исследованию объекта. По имеющимся на данный момент данным, вероятность космического происхождения объекта или земного может оцениваться как пятьдесят на пятьдесят, – закончил эксперт.

Так же поступил и депутат Иванов. Но не самоустранился, как обычно, а призадумался. А это после того вообще необычно.

Бэллочка, повернув голову, удивленно посмотрела на шефа и шевельнула бедрами. «Сыр выпал». Плутовка того и добивалась.

– Ты это, достань-ка мне запись этой передачи! – распорядился депутат, сладив с шириночной молнией.

– Хорошо, Борис Натанович! – поняла Бэлла, делая пометку в электронном ежедневнике. – Ну, я побежала!

– Добро! А то давай я тебя подброшу! – милостиво предложил депутат.

– Ой, спасибо! Мне в другую сторону! – воскликнула Бэллочка, теряя терпение и надежду отвязаться от шефа.

– А я разве говорил, в какую сторону еду? – удивился Иванов.

– Я думала, вы теперь домой, к жене! – уколола его слегка Бэллочка.

– Эх, если б я мог распоряжаться своим временем свободно! – вздохнул депутат. – Мы, депутаты, люди подневольные! Сейчас мне надо на презентацию в этот, как его... – Он стал

рыться в карманах пиджака.

– Совсем себя не щадите, Борис Натанович! – сочувственно произнесла Бэллочка и, демонстрируя свой секретарский профессионализм, снова включила электронный поминальник: – В «Росбизнес траст интернейшнл»!

– Это чего такое? – изумился Иванов.

– Это не «чего такое», а потенциальные спонсоры научных программ! – напомнила Бэллочка.

– Придется ехать! – сделал вывод Иванов.

– Ну, счастливо попотеть на ниве внесения удобрений в отечественную науку! – Бэллочка чмокнула шефа в мясистую щеку и поспешно выпорхнула из скромного депутатского гнездышка.

Имеет же право слуга слуги народа на личную жизнь! Хоть три-четыре часа в день. Или в ночь.

Начальник подотдела ЦРУ по анализу информации СМИ России и стран СНГ Уильям Крэг читал утреннюю сводку и отмечал сообщения, достойные лечь на вышестоящий стол. Дойдя до сообщения о передаче НТВ, в которой рассказывалось о находке космического тела с некими знаками на его поверхности, Крэг хмыкнул:

– Ох, эти русские! Им не удастся ничего нового совершить в космосе, и они решили специализироваться на ловле метеоритов с посланиями иных цивилизаций! Видно, дела с финансированием космических программ у них совсем пло-

хи. А перед выборами своего президента они намекали на готовность полететь на Марс раньше нас! У них что, опять какие-то выборы на носу?

Он помедлил, занеся ручку над бумагой, так как вспомнил недавнюю вздрючку от шефа отдела за включение в сводку прорицания какой-то бабки с Украины о грядущих неприятностях для Соединенных Штатов со стороны космических сил, – и решительно черкнул на полях сообщения: «Блеф!»

Аналогичным образом отреагировали на передачу аналитики спецслужб НАТО и «Моссада».

Только в Бразилии и Мексике почему-то должностные лица проявили интерес к информации и сделали пометки на документах: «Следить за развитием событий».

Некоторое оживление вызвала передача в кругах исследователей аномальных явлений. Но ведь на то эти круги и очерчены, чтобы ждать встречи с инопланетянами или хотя бы с шаровой молнией. Вообще, для них аномальным явлением должно считаться отсутствие интереса к подобным вопросам.

Редактор одного из изданий соответствующей направленности «Тайны и версии аномальных явлений» дал указание спецкору Киму Батурину взять интервью у садовода Влекомова, упомянутого в передаче. Чем черт не шутит?

Вот и все. Да, еще помощник по связям с общественностью директора НАСА Мэтью Фэдич почему-то попросил срочного приема у директора Стива Олдриджа.

– Что-то серьезное, Мэт? – уточнил директор.

– Думаю, дело обстоит именно так, сэр! – взволнованно ответил Фэдич.

– Заходите в одиннадцать сорок, Мэт. Пяти минут нам хватит, надеюсь? – пророкотал Стив. – В одиннадцать сорок пять у меня небольшое совещание.

– Благодарю, сэр! Моя информация займет две минуты! – заверил Фэдич.

Влекомов тоже просмотрел передачу. Прошло почти две недели со дня события. Вначале жизнь продолжалась спокойно. Влекомов с трудом уговорил по телефону приехать к нему на выходные сына. Сын перед отъездом с трудом вспомнил, что отец просил прихватить фотоаппарат. Потом с трудом добирался до Чащи по забытому пути через Ям-Ижору и Форносово.

В пути поругивал папеньку, приставшего, как клещ к макушке, – а именно такое событие несколько лет назад охладило интерес Кирилла к папенькиной даче. Но вспомнил, что папенька редко пристаёт с настоятельными просьбами, значит, имеется веская причина. Успокоился.

Но вот какая именно причина, папенька затемнил, не сказал. Хорошо, потерпим. В конце концов, любопытство – штука не такая уж нестерпимая, как даже малая надобность. Это у женщин бывает иначе. А мужик должен любопытство умерять.

С этими благопристойными мыслями Кирилл финишировал вечером в пятницу на папенькиной даче. Были на выходные и более приятные перспективы, но что выросло, то выросло. Аминь!

Папенька встретил его на границе своего садоводства у столба с вывеской «Политехник», уселся в сыновью «восьмерку», они поцеловались.

– Как доехал?

– Нормально, как видишь!

– Не блуждал ли ты, мой блудливый сын?

– Не такой уж я блудливый, может, библейский – блудный, в какой-то степени.

– Может, и так. Ты меня редко удостаиваешь лицемерия своей персоны и описания подробностей своей насыщенной жизни.

Они въехали на третью линию садоводства через заблаговременно открытые Влекумовым ворота, и Кирилл радостно воскликнул:

– Вон твой участок! Как деревья выросли!

– Да и ты подрос с той поры, как последний раз сюда приезжал, – грустно заметил Влекумов. – Это я один в землю расту.

– Ну, скажешь! – бодро воскликнул Кирилл.

– Так и есть, – продолжал грустить Влекумов. – Купил брюки, по привычке, четвертого роста, а они по земле волочатся!

– Да ладно тебе! – прервал его стенания сынок. – На тебе еще воду возить можно! И пахать! Что случилось? Сфотографироваться захотел?

Влекомов промолчал. Они остановились возле участка.

– Узнаешь? – поинтересовался Влекомов.

– Парников нет! – быстро сориентировался Кирилл. – А яблони разрослись.

– В одном месте убавилось – в другом прибавилось, как говаривал Михаил Васильевич, – дал научное обоснование Влекомов. – Прими левее, сосед может подъехать, а у него грузовик!

Кирилл выполнил указание и потопал следом за папенькой.

– Здравствуйте, тетя Мила! – радостно приветствовал он Эмилию, вышедшую на тропинку «согласия», соединяющую два участка и именуемую в просторечии Влекомовым «Тропой Антанты».

Эмилия тоже приветствовала его искренне и радушно. Кирюшу, последнее дитя бывшего супруга от последней (надеялись оба) молодой жены, она знала с его младенческих лет.

Удрав от молодухи и тещи, Влекомов регулярно виделся с сыном и частенько навещался с ним к гостеприимной Эмилии, тем более там Кирилл встречался и подружился со своей сводной сестрой Таней.

После обеда с необременительным возлиянием, прошед-

шего, естественно, у Эмилиии, папенька с сыночком уединились в бунгало среди зарослей.

– Ну, чего ты тянешь, пап? – укоризненно сказал сытый сыночек. – Что у тебя за дело?

– Боюсь, не поверишь! – признался Влекомов. – Или сочтешь меня сумасшедшим.

– Если до сих пор не посчитал, – улыбнулся сынок, унаследовавший папенькино ехидство, – при всех твоих... биографических вывертах, то теперь... Ты не женишься ли опять вздумал? – вдруг испуганно спросил он.

– Если бы, – вздохнул папенька. – Сейчас мне это кажется менее ужасным по сравнению с тем, что произошло.

– Неужто еще одного ребенка заделал? – побледнел сынок. – Это с кем? С той, с которой на моей свадьбе был?

– Если бы... – опять вздохнул папенька, на этот раз несколько картинно.

Два года назад Кирюша, не дотянув до двадцати, внезапно женился. Жених и невеста сообщили о намечающемся событии уже после подачи заявления. А ведь каких-то пять лет назад четырнадцатилетний Кирюша как-то буркнул:

– Я, наверное, никогда не женюсь!

– Это почему? – испугался Влекомов, так и не ставший женоненавистником, несмотря на три забракованных брака.

– А вдруг она окажется такой же, как мама! – печально сказал сынок, порадовав папу зрелостью суждений.

– Ну... ты учитывай отцовские ошибки, – промямлил Влекомов. – Кстати, ты – результат последней из них. Точнее, наоборот: ошибка состоялась из-за того, что ты уже был зачат.

Один внебрачный сын у меня уже был, ты знаешь. Второй раз не покрыть грех совесть не позволила. Короче, выбирай жену с умом! – назидательно завершил Влекомов воспитательную тираду. А где ума взять – не сказал, наверное, сам не знал.

Незадолго до свадьбы Влекомов спохватился: с кем ему идти? Одному – неприлично.

Елена будет со своим нынешним, он на семь лет моложе ее, а она на семнадцать моложе Влекомова. Каков же будет наш ответ этой Керзоне?

Влекомов почесал репу, извинился перед Эмилией, что не приглашает ее, откровенно объяснил причину: надо утереть нос бывшей. Эмилию он именовал предбывшей, чтоб не путать в разговорах ху из ху.

И позвонил своей бывшей секретарше Светлане, уволившейся из-за невыплаты в НИИ «Фотон» зарплаты в течение полугода. Светочка была моложе Влекомова на двадцать шесть лет, имела двоих детей, и хотя ей перевалило за тридцать, оставалась красивенькой и стройненькой.

– Проси у мужа отгул на субботу! – приказал он по старой привычке и, спохватившись, изложил свои обстоятельства. Светочка отнеслась к поставленной задаче с понимани-

ем: святое дело – утереть нос другой женщине. В себе она не сомневалась. И приглашенная дочка Таня с мужем тоже поняла папу.

Эффект был достигнут полный. Поскольку Светочка, наряду с прекрасной внешностью, обладала еще двумя замечательными качествами: элегантностью и умением себя держать, пожалуй, самым важным из трех.

Словом, рейтинг Влекумова в глазах присутствующих вырос на глазах. Бывшая кусала губы, хотя ей больше хотелось покусать Влекумова и Светочку.

Нынче, уже год, сынок, достойный продолжатель сомнительных дел и хранитель не самых лучших папочкиных традиций, и не жил, и не разводился с юной супругой.

– Так в чем дело, не томи! – попросил сынок.

– Для начала надо сфотографировать одну штуковину. – Влекумов тянул время, не желая ошарашивать сына. Мысленно он уже представил свой рассказ, и сам начинал сомневаться в здравии собственного рассудка. – Идем!

Взяв фотоаппарат, они пошли за дом, к входу на веранду-спортзал.

– В пинг-понг играть будем? – поинтересовался Кирилл.

Влекумов, кряхтя, вытащил из-под ступеньки космическую подпорку.

– Что это? – удивился сынок.

– Дай-ка я ему еще бока начищу! – Влекумов орудовал

прихваченной из дому тряпкой, искоса наблюдая за ним.

– Что это за знаки на нем? Где взял? – продолжал бомбардировку вопросами Кирилл. – Это не случайные узоры! – воскликнул он. – Это люди изобразили!

– Вон в той ямке нашел! – кивнул Влекомов.

– Ледник занес? – высказал предположение Кирилл. – Тебе повезло! Это ж археологическая находка! Ее знаешь за сколько можно продать!

– Думаешь? – переспросил Влекомов, неясно, к какому аспекту сыновней речи адресуясь.

– Еще бы! – воодушевился Кирилл, имея в виду, безусловно, ценовой аспект.

– Ну вот, давай сфотографируй для потенциальных потребителей с разных сторон! – предложил Влекомов.

Кирюха с увлечением завозился возле штуковины с фотоаппаратом. Влекомов поворачивал ее так и этак.

– Ой, а что это вы фотографируетесь, а меня не позвали! – раздался обиженный возглас Эмили. – И Манечку мою забыли! Сфотографируй нас с ней! – обратилась она к Кириллу.

Изящная, желтоглазая и черная, как пантера, киска Маня уже бежала следом за Эмилией, держа хвост трубой. Маня считала оба участка своей исконной и законной территорией, бесстрашно и беспощадно изгоняя с нее не только неугодных ей кошек, но и собак. Даже сам Чак, повелитель второй и третьей линий, помесь овчарки и ротвейлера,

регулярно собиравший дань с каждого владельца участка, уклонялся от стычек с Манькой, помесью сиамской кошки и «русского помойного» соблазнителя. Пощады достаивались только симпатичные брюнеты противоположного пола, особо скромняга Василий, с ним она могла проводить время часами. Со временем Вася повел себя как бойфренд: заходил на веранду к Эмилии, съедал, что повкусней, из Маниной миски, потом усаживался на перилах на солнышке.

А Маню Эмилии подарил не кто иной, как сам Кирилл.

Драматическая ситуация тогда сложилась. Любимый кот Эмилии тяжеловес Митяй заболел, она вызвала ветеринара, тот Митяя осмотрел, сделал укол, выписал лекарство и уехал, прихватив пару тысчонок. Митяй как будто успокоился, перестал жалобно мяукать. Обрадованная Эмилия прекратила паниковать, накормила его любимым фаршем, довольный Митяй улегся на коврике возле дивана и уснул. Эмилия, не тревожа его, забралась на диван и тоже спокойно уснула.

Среди ночи ее разбудили непонятные звуки. Включила свет и увидела, что Митяй агонизирует.

Утром в субботу, часов в семь, Влекумова разбудил телефонный звонок, в трубке слышались всхлипывания. Через пятнадцать минут, прихватив гвоздодер, за неимением лучшего копательного инструмента, и бутылку водки, за неимением лучшего успокоительного, Влекумов катил к Эмилии. Февральский мороз стоял лютый, как и положено по старо-

славянскому наименованию месяца.

Упаковав Митяя в его любимую подстилку и полиэтиленовый пакет, Влекомов с заплаканной Эмилией нашли во дворе в кустах симпатичное местечко и принялись долбить закаменевший грунт. Потребовалось не меньше получаса усилий.

Вернувшись домой, помянули Митяя. Эмилия вроде пришла в норму, Влекомов уехал к себе. Вечером позвонил ей – не подходит, поздно вечером – тот же результат. Ранним утром – существенных изменений не произошло.

Часов в двенадцать звонит Эмилия:

– Я ночевала у Нади, не могу быть в квартире без Митеньки.

– Сколько приняли с Надеждой успокоительного?

– Ну...

– Ладно, давай приезжай ко мне! Влекомов тут же позвонил Кириллу:

– Ты говорил, у мамашиной кошки от помета один котенок остался?

– Да, кошечка, симпатичная, себе думаем оставить.

– Подари ее мне, точнее, тете Миле. У нее кот умер, надо срочно прервать депрессию.

От Влекомова Эмилия уехала не скорбящей одинокой женщиной, а мамочкой сиамо-русской зверюшки.

И вот эту зверюшку теперь требовала запечатлеть совместно с собой. Чего и добилась.

– Ой! – воскликнула Эмилия, попозировав с Манькой. –

Как хорошо, что ты приехал, Кирюша! Ты папе поможешь?

– Я как раз и помогаю! – пробасил Кирилл.

– Нет, я о другом. Папа хотел починить опору под моей верандой. Ты заметил, как там пошатывается при ходьбе?

– Нет, не заметил, – честно признался Кирюша. – Может, не всегда покачивается?

Эмилия зачем-то покраснела:

– Как хотите!

– Сделаем! – крикнул ей вслед Влекомов.

В город он вернулся с Кирюшей в субботу. В течение часа отпечатали в трех экземплярах крупноформатные снимки объекта. Один экземпляр он отдал Кирюше:

– Ты говорил, среди твоих приятелей-программистов есть занимающиеся проблемами шифрации-дешифрации. Попроси их заняться этим ребусом!

Кирюша согласно кивнул и задумчиво уставился на один из снимков.

– Что-то мне это напоминает! Я был не прав, когда посчитал эти знаки произведением людей ледникового периода. Видишь, это прямоугольный треугольник, а рядом какие-то незнакомые обозначения, может быть, формула? А вот эта картинка – окружность, и в ней прорисован диаметр, рядом снова значки. Слушай, не запись ли это значения числа пи?

– Очень может быть! – согласился Влекомов. – Тогда надо

выяснить, в какой системе счисления записано его значение, соответственно – какие цифры обозначают эти значки. Хорошо бы в двоичной или десятичной! Нет, не двоичная, – тут же сделал вывод он, – здесь разновидностей значков гораздо больше. Давай-ка выпишем и посчитаем! Раз, два, три... Нет, поехали ко мне, – скомандовал Влекомов. – Там спокойно посчитаем, у меня и лупа есть. Видишь, некоторые значки плохо различимы!

Дома они засели за изучение снимков. Оказалось, для записи значения π использована семеричная система.

– Боюсь, дальше мы с разбега не продвинемся! – сказал Влекомов. – Надо переписать значение π из десятичной системы по семеричной, тогда выясним написания цифр в ней.

– Ну, двойку я уже определил! – объявил Кирилл.

– Как? – изумился Влекомов.

– Здесь, возле прямоугольного треугольника, записана формула – это явно теорема Пифагора! – воодушевленно вещал Кирюша. – Тогда в этой записи должны быть три значка одинаковых, означающих двойку! Вот эта загогулина ее и обозначает!

– А если они используют для обозначения возведения в квадрат не двойку, а какой-то специальный значок? – остудил его Влекомов. – Как, например, мы стали бы обозначать эту операцию буквой «к» или еще что-то придумали.

Кирилл приуныл, но внезапно оживился:

– Ты помнишь, когда-то давно был запущен американский

аппарат, вроде «Вояджер» назывался, тоже для установления связи с иными цивилизациями? Я читал, он пределы нашей Солнечной системы уже покинул. И на нем тоже были изображены подобные фигуры: теорема Пифагора и число пи!

– Помню, – подтвердил Влекомов. – То был чисто рекламный трюк: вероятность попадания такого аппарата в пределы какой-то цивилизации и обнаружения ею меньше, чем попадания сброшенного со спутника рубля в карман определенного Ивана Ивановича Иванова. Но действительно, подобные символы сочли понятными для любой относительно развитой цивилизации.

Поэтому и вероятность попадания на Землю запущенного наугад аппарата даже из пределов нашей Солнечной системы ничтожна. Вот и появление этого аппарата на моем участке вызывает определенные сомнения.

Папа и сыночек смотрели друг на друга с подозрением: нет ли подвоха?

– Тебя кто-то разыграл! – сказал Кирилл.

– Ага! Представляешь, каких трудов и денег стоит такой розыгрыш? – усмехнулся Влекомов. – Бюджета Петербурга не хватит!

– Ну уж! – усомнился Кирилл. – Хотя и миллионеров, желающих пошутить, среди твоих знакомых вроде нет.

– Увы! – признал Влекомов. – Дураков тоже маловато.

Они еще раз посмотрели друг на друга, и каждый прочитал в глазах другого такое же желание, какое испытывал сам.

Кирилл побежал за бутылкой.

3

– Что же у вас случилось этакое экстраординарное, Мэт? – поинтересовался директор НАСА Стив Олдридж, улыбнувшись. – Неужто русские внезапно стартовали к Марсу?

– О таком событии, сэр, вам доложили бы как минимум за год. И не я, – почтительно склонил голову Мэтью Фэдич, давая понять, что осознал директорский намек на степень важности событий, по поводу которых его допустимо экстренно беспокоить.

– Так что же? – Стив похлопал по карману пиджака, где лежала его любимая данхилловская трубка, и с сожалением вздохнул: курить в офисах НАСА запретил его предшественник, и Стив не смел нарушить волюнтаристский приказ, ставший благопристойной традицией.

– Русская телекомпания НТВ вчера вечером, по московскому времени, показала сюжет о находке в пригороде Санкт-Петербурга метеорита или искусственного космического аппарата с некими знаками на поверхности, соответствующими теореме Пифагора и значению числа пи. Показаны фотографии объекта и сообщены следующие его данные: вес около сорока фунтов, длина один фут восемь дюймов. – Фэдич примолк, наблюдая за реакцией Стива. Олдридж заметно напрягся.

– Некоторые комментаторы считают, это может быть

розыгрыш, нечто вроде следов йети на Бродвее, но...

– Что «но»? – рявкнул неожиданно Стив.

– Я подумал, вам могут доложить об этом событии как весьма сомнительном. – Мэтью встретил раздраженный взгляд Стива твердым взглядом светло-голубых глаз и встал. Вообще-то обычно он предпочитал в присутствии шефа сидеть, чтобы не быть при случае уволенным. Дело в том, что рост Стива Олдриджа едва достигал метра семидесяти, а рост Фэдича был, увы, два метра один сантиметр.

«Он работает у нас третий год, – подумал Стив, – но это не значит, что он может соваться куда не следует!» А вслух произнес:

– Вы считаете его несомненным фактом, не так ли? У вас имеются копии изображений со стенок этого аппарата?

– Вот они, сэр! – Фэдич достал из папки несколько листов.

– Садитесь, Мэт, не торчите посреди кабинета, как флагшток без знамени! – буркнул Стив, впиваясь взглядом в снимки.

– Неужели я настолько похудел? – спросил Мэт.

Олдридж его не слышал.

– Мое время истекло? – уточнил Фэдич.

– Садитесь! Я скажу, когда ваше время истечет, – пообещал Стив. – Абракадабра какая-то! Кто станет запускать в космос подобные штучки с наружными изображениями? Они же не на год полета рассчитаны. Микрометеориты и кос-

мическое излучение сотрут с поверхности изображения за время полета!

– Вы исключаете, что аппарат запускался целенаправленно? – спросил Фэдич.

Стив снова пристально посмотрел на него:

– Что еще есть у вас по этому делу? Кто давал комментарии в передаче?

– В передаче участвовал эксперт Академии наук России. Он оценил вероятность космического происхождения объекта фифти-фифти. И... – Мэт замялся.

– Что «и»? – хмыкнул Стив.

– И еще дело в том, что фамилия пенсионера, который нашел этот объект, Влекомов!

– Флекомофф? – повторил Стив. – Не знаю такого русского. Он работал в русской космонавтике? В ракетостроении? Что о нем известно?

– Он работал в оборонной промышленности, в электронной технике. Кандидат наук, доктор по нашей классификации. Чувством юмора обладает, но не может быть инициатором подобной мистификации.

– Превосходно! Уверен, ваше досье на этого Фле-комоффа подробнее, чем у ФБР! – оторвал взгляд от снимков Стив. – Вам даже известно, насколько развито чувство юмора у какого-то русского пенсионера! Откуда?

– Девичья фамилия моей жены Влекомова. Это ее дядя! – не отводя глаз, ответил Фэдич.

Они с Олдриджем долго смотрели в глаза друг другу. Но за бутылкой никто не побежал.

В конце 1982 года, готовясь к выпускному экзамену в Колумбийском университете по избранной специальности «история восточных славян», Мэтью Фэдич, сын хорвата и ирландки, двухметровый центровой университетской футбольной команды, приехал в порядке обмена студенческими группами в Ленинградский университет для прослушивания небольшого курса лекций и сбора материалов для магистерской диссертации.

Основными рабочими пунктами его пребывания были университет, публичная библиотека и БАНя – Библиотека Академии наук. Основным и единственным пунктом приобретения привычных продовольственных благ – магазин «Березка» в начале Невского проспекта.

Взяв пару банок кока-колы, Мэтью подошел к кассе и остолбенел. Как известно, столбняк могут вызвать либо бешеные собаки, либо красивые женщины.

Мэтью повезло – на его долю выпал второй вариант. Причем осуществило его миниатюрное существо с прекрасными синими глазками и очаровательной девичьей улыбкой.

Когда способность соображать частично вернулась к Мэту, он осознал, что на профессиональную улыбку девушки-кассира отвечает идиотской улыбкой загипнотизированного влюбленного тинэйджера.

С этой улыбкой он вышел на Невский, поплелся в Александровский сад и там наконец придумал, что еще ему надо купить в «Березке». Уступчивость, если не сказать прилипчивость, русских девиц, в частности студенток университета, за недолгое время пребывания в Ленинграде была ему уже хорошо известна. Но то девицы, а это – небесное создание! А с небесным созданием он встретился впервые. Если оно и кокетничало, то самую малость и притом очень мило. Посмотрело на вернувшегося Мэтью внимательно и согласилось встретиться.

Оксана – так именовали создание – пристроена была в «Березку» старшей сестрой, которую туда по протекции пристроила мама, которая при рождении передала младшей дочке по наследству, как фамильную драгоценность, свои неотразимые глаза, в которые в свое время втюхался влекомовский старший брат Юрий. И с первого же дня работы ей пришлось привыкать к матримониальным предложениям посетителей из разных стран, в том числе из СССР. Иностранцы сразу предлагали все, что имели: руку, сердце, виллу в Австралии или в Канаде и кое-что по мелочи: машину, яхту и тому подобное – у кого что было.

Советские кавалеры были самые скромные по перечню предлагаемого: и руки, и внутренние органы у них были приходованы – неженатых в загранку не отпустят, вот они и стремились максимально использовать последний оставшийся относительно свободным орган. А ореол неотразимо-

сти им создавала возможность посещения валютного магазина. Иностранцев Оксана отшивала ссылками на строгую администрацию, запрещающую интрижки с посетителями. С соотечественниками разбиралась и того проще.

А вот искренне идиотская улыбка Мэтью Фэдича тронула ее сердце. Через неделю Мэтью сделал Оксане предложение. Странно, но немедленного согласия не получил, но получил предложение познакомиться с мамой.

– А папа? У тебя папа есть... был? Извини, я запутался, – пробормотал Мэтью, владевший русским весьма прилично, – славянское происхождение облегчало усвоение.

– У папы другая семья, он оставил нас девять лет назад, – коротко отозвалась Оксана, умолчав пока, что с точки зрения их брака у папы есть один крупный недостаток: он должен дать согласие на него и на выезд дочки за границу.

А был папа капитаном второго ранга в отставке, до которой начальствовал секретнейшей лабораторией в Военно-морской академии. Неизвестно, что было для него трудней: отдать дочь за потенциального противника или нажать кнопку «Пуск». Как истый патриот и любящий отец, он вполне мог предпочесть второе.

На пропахшей дрожжами и менее приятными субстанциями Курляндской улице замызганные кирпичные дома живо напомнили Мэту негритянские трущобы родного Колумбу-са, штат Огайо, виденные проездом в детские годы, нынче их снесли.

«Вернулся в детство», – подумал он.

Правда, афроамериканцев поблизости не было видно, как и афророссов. В остальном – сплошное дежавю, да и только. Оксана свернула к парадной одного из таких домов.

«Господи, почему эти лазы здесь именуют парадными? Каковы тогда те, которые именуют черными? Наверное, чернее черного. Стоп, стоп! – прервал себя Мэт. – Ты не у себя дома!»

Двухкомнатная квартира на последнем этаже, куда их доставил сооруженный недавно лифт, гордо подчеркнула Оксана, с наружной стеклянной шахтой, была обставлена довольно уютно. Дезавуировало уют отсутствие ванны. В кухне был сооружен самопальный душ.

Увиденное сначала сдавило Мэту сердце, затем заставило его радостно забиться: она должна согласиться! Он ведь предлагает ей не только себя, но и Америку! Это же совсем другая жизнь! Она достойна лучшего! Как вообще произрастают такие цветы на скудной русской почве? Откуда у них такая жизненная сила, чтобы выживать, что-то создавать, бороться с внешним миром и с самими собой, ломать и строить заново? Нет, русские не дураки, очень даже. Но какие-то непонятные. Он даже рискнул задать Оксане в мягкой форме неотразимый американский вопрос:

– Если вы такие умные, почему вы такие бедные? Ответ его потряс.

– А у нас богатство не считается признаком ума. Дело-

витости, изворотливости, ловкчества – да. Поэтому богатство уважения у сограждан не вызывает, хотя по корню слово означает вроде «Богом отмеченный», – разъяснила Оксана. – А умные люди у нас, за редким исключением, бедные. Даже по нашим меркам. Такое отношение еще до советской власти сложилось.

– Зазеркалье! – пробормотал Мэтью.

– У нас считается, что ум, направленный на достижение материальных благ, это уже не ум.

Это может быть целеустремленность, практичность, сообразительность, деловитость. А ум – понятие более широкое и глубокое. Умному человеку богатство не нужно. Благополучие – да. Стремление к большому богатству – одна из форм тщеславия. А как сказал Ницше, каждый тщеславен настолько, насколько ему не хватает ума.

– Ницше? – переспросил Мэт. – Тогда молчу.

Отец Оксаны оправдал ожидания: согласия на брак с американцем не давал. Попытки мамы и сестры уломать его только ухудшали папино настроение. Мама решила подключить второй эшелон – бывшую свекровь и папиного брата.

Влекомов узнал о международных матримониальных осложнениях от матери. Она постоянно навещала внучек и бывшую невестку, и они к ней заглядывали. Теперь мать изложила ему позиции сторон и передала приглашение Оксаны познакомиться с женихом.

Мэт не понравился Влекомову одним: приходилось высо-

ко задирать голову, чтоб встретить его взгляд. И тот – сверху вниз. Оксана возле него казалась игрушечной. Чуть позже у жениха выявился второй недостаток, еще более крупный: он не пил!

Это было уму непостижимо – мужик с такими прекрасными данными, позволяющими показывать выдающиеся результаты в русской национальной забаве, ну никак не меньше литра за присест – и ни в одном глазу, не желает пользоваться Богом данными возможностями! Даже, смешно сказать, в пределах бокала шампанского.

Влекомов чуть было не решил воспользоваться правом вето, но дело было не «в етом».

Совет безопасности в составе бабушки и дяди единогласно принял резолюцию: благословить и провести мирные переговоры с отцом.

В ходе переговоров стало понятно, что папа, похоже, сам ждал чьего-нибудь воздействия, потому что, вяло огрызаясь, постепенно сдавал позиции. На последней он не стал рвать на себе тельняшку и бросаться в рукопашную, а поставил подпись под актом о капитуляции с независимым видом, как фельдмаршал Кейтель 8 мая 1945 года.

Молодежь весело побежала по другим инстанциям: консульство, Дворец бракосочетания, ресторан, магазины. Последняя инстанция оказалась самой хлопотной из-за того, что у жениха не было хоть какого-нибудь костюма, кроме спортивного, а в магазинах не было его размера. Речь не

шла о свадебном, черном, элегантном, а просто о каком-нибудь костюмчике. Жених приехал в СССР все же не как генерал Чернота в Париж, а в брюках, с парой ковбоек и вроде бы в носках. Во всем этом за неделю до свадьбы съездил в Хельсинки для сдачи экзамена по славянской истории в тамошнем университете. Ленинградский университет считался некомпетентным в такой сложной проблеме, как и во всех прочих. Сданные в нем экзамены не признавались на Западе, а особенно – на Диком Западе. Зато сдавать их там можно было в спортивных костюмах.

Наконец в магазине «Богатырь» в Гавани нашелся искомый костюмчик пестренькой расцветки, и будущая теща преподнесла его в подарок будущему зятю.

В Дворец бракосочетания на улице Петра Лаврова (до и после – Фурштатской), недалеко от консульства США, гости, не говоря о брачующихся, должны были явиться к одиннадцати. Влекомов, приобретший уже дурную привычку всюду являться вовремя, так и сделал. Заглянул в комнату невест – невесты нет. Родственников и знакомых также. Задумался. Прошел в комнату женихов.

Мэтью в пестреньком костюмчике шастал по жениховской комнате, как медведь в клетке. Увидел Влекомова и засиял. Он, наверное, уже пришел к выводу, что КГБ похитил невесту и арестовал родственников. Теперь появился шанс: объявился дядя.

С того момента у Мэтью возникло непроизвольное чув-

ство признательности к Влекумову. А Влекумов испытал к гиганту чувство сострадания: вот ведь какая лихоманка эта любовь – даже такого богатыря в брошенного котенка превращает. Стало спокойней за Оксанку: уедет на чужбину, родни, друзей рядом нет – каково человеку! Но Мэт ее любит, защитит.

Не учел Влекумов: чтобы испытать все мыслимые напасти на чужбине, надо как минимум туда выехать. А чтобы выехать к законному супругу, надо подвергнуться немислимым напастям дома. Почему-то супругам иностранных подданных, пока еще соотечественницам, не сменившим гражданства, работать в таком таинственном заведении, как «Березка», было нельзя. Как в Арзамасе-16. Оксана уволилась под завистливые взгляды подруг. Но предварительно под такие же взгляды ее исключили из комсомола – правила игры. Интересно, а какая была формулировка? Изменила родине? Не туда легла? Если бы сделала это без законных оснований – простили бы, а раз на законных – это вам не простительный разврат, а непростительный, следствие политической близорукости.

Словом, муж в Америке, а жена в Союзе, но уже неполноценная гражданка. На работу не устроишься, без работы – тунеядка.

– Слышь, – сказал Влекумов, посетив сумрачную племянницу, – по нашему Семейному кодексу, если супруги в течение года живут врозь, не осуществляют совместного ведения

хозяйства и прочих второстепенных супружеских обязанностей, брак может быть признан недействительным.

– Ты знаешь, что сделай, – посоветовал Влекомов, – попроси Мэта, чтобы тебе денег немного выслал. Как законный супруг законной супруге. В знак любви и совместного ведения хозяйства. И ты не будешь тунеядкой – тебя супруг домохозяйкой содержит!

– Он ходил на прием к своему сенатору, и тот направил письмо генсеку КПСС Черненко!

Письмо генсеку – хорошо, а объективные свидетельства супружеской заботы все равно нужны. Мэт послал Оксане двести долларов, серьезные деньги для «Березки». Внешторгбанк выдал ей сто двадцать рублей по официальному курсу. Если кто забыл таблицу умножения – шестьдесят копеек за доллар. Обидно. Зато факт заботы мужа официально засвидетельствован.

Теперь-то доллар взял реванш: его курс по сравнению с покупательной способностью завышен раз в пять-семь.

То ли чтоб не волновать очередного умирающего генсека, то ли чтоб отвязаться от девицы, назойливо атакующей инстанции с абсурдным требованием воссоединения с мужем, – дали разрешение на выезд. Скорее всего, туннель был пробит с двух сторон.

И Мэт наконец встретил в Нью-Йорке свою ненаглядную супругу, обобранную на таможне в Шереметьево, но не испытавшую от этого большого огорчения. Его испытал Вле-

комов, который подарил племяннице на прощание альбом «Эрмитаж», чтоб могла полистать на чужбине при накотившей ностальгии. Он был изъят под предлогом отсутствия справки об отсутствии раритетной ценности. Выходные данные: год издания 1982, тираж 20000 экземпляров.

Мэт защитил через пару лет докторскую диссертацию, Оксана окончила курсы медсестер-дантистов, потом стоматологический колледж.

– Ваша жена патриотка Америки? – спросил Стив.

– О да, сэр! – горячо откликнулся Фэдич. – У нас прекрасная семья, двое детей. Да, она любит Америку!

– Говорят, у русских странная ностальгия по своей родине, – задумчиво произнес Стив.

– У моей жены я этого не замечал, – слегка обиделся Мэт. – Она ездит в Россию каждые два-три года, в этом году тоже собирается повидаться с родственниками. Этого ей достаточно.

– Благодарю, Мэт, ваша информация любопытна. Если будет еще что-то по этому делу, сообщайте мне!

Мэтью вышел от шефа успокоенным. Похоже, Стив Олдридж все же заинтересовался информацией.

Стив посмотрел в широченную спину удалявшегося Фэдича и, едва закрылась дверь, нажал кнопку:

– Джолли, отмените совещание в двенадцать часов... Найдите время в моем завтрашнем расписании!

4

У питерской погоды вечный климакс: капризы, слезы, недержание – привычное дурное состояние.

Влекумов на веранде под трель струи, стекавшей с желоба в бочку, рассматривал находку. Тело овальной формы, по бокам какие-то углубления. Но не может отправитель межпланетной корреспонденции ограничиться наружными простейшими изображениями! Они с Кирюхой пришли к такому выводу.

Значит, должна быть основная информация внутри аппарата. Как до нее добраться? Влекумов, надев перчатки, поворачивал довольно тяжелый предмет так и этак, всматриваясь, пытаясь обнаружить сочленения.

Надо все же отдать аппарат в Академию наук или в Роскосмос, но Влекумову то ли от пенсионерской скуки, то ли из пенсионерского же озорства хотелось тряхнуть стариной с остатками мозгов, самому узнать об аппарате как можно больше.

Кроссворды и тому подобные ребусы не шибко привлекали, а эта штуковина заинтриговала. Загадки с неба не так уж часто падают. Тем более материальные, тем более в твой огород. Не попадет ли ему от власти и от Академии наук, если он вторгнется внутрь предмета самостийно? Нет ли там чего-нибудь опасного? Чего, например, опасаются ученые,

сверля льды Антарктиды, – заразы какой-нибудь. Нет, там они опасаются внести ее в подледные озера.

А вот с Марса опасаются притащить каких-нибудь ужасно жизнестойких бактерий. Влекумов почему-то не опасался бактерий так, как властей. Если это послание от какой-то высокоразвитой цивилизации (не от пещерной же), значит, они предусмотрели необходимые меры безопасности. И еще: вряд ли они направляли аппарат безадресно, как американцы «Вояджер», – лишь бы самих себя потешить молодецкой удалью, наподобие плевка с Эйфелевой башни. Следовательно, внутри аппарата может находиться не только пассивный источник информации, но и активная аппаратура, например приемопередающая, и, соответственно, источники питания. На каком принципе? Не радиоизотопные ли?

Дозиметр бы надо из города привезти. Дома валяется, сами когда-то в «Фотоне» разрабатывали.

– Гав! – раздался басовитый рык за дверь. Это Чак, дождавшись перерыва в дожде, принялся обходить крышуемые им объекты и собирать дань. Заодно вернул Влекумова на землю.

Тот открыл дверь, впустил Чака, одобrivшего его действия взмахом хвоста.

– Явился, вымогатель? – спросил Влекумов.

Чак посмотрел на него прозрачным взглядом смиренного пирата.

– Сейчас! – Влекумов достал из холодильника заготовлен-

ную для жданного гостя сардельку.

Чак вожделенно гипнотизировал ее, пуская из угла пасти струйку слюны. Влекомов разделил сардельку на две порции – однопорционного угощения Чак не признавал: и целую сардельку, и половину он заглатывал сразу и немедленно требовал добавки. После второго заглатывания становился скромнее.

В этот раз Чак задержался – может, ему не хотелось бежать по мокрой земле, может, качество сардельки высоко оценил и лелеял надежду на щедрость хозяина. Влекомов взял аппарат за боковые выемки и перенес на низкий столик собственной работы. Чак подошел к снаряду, обнюхал его и лизнул выемку, пахшую теперь сарделькой, как и влекомовские руки. Раздался легкий треск, и аппарат раскрылся как цветок.

Чак, заскулив, бросился к двери, толкнул ее лапами и убежал. Влекомов распахнул рот, постоял молча немного и только потом заскулил. Что-то восхищенно-матерное. Придя в себя, он бегло обследовал внутренность аппарата. Да, приборы, вот некие необычные кабели подведены к внутренним сторонам выемок. А вот капсула, не изымается, а вскрыть-то можно? Влекомов ощупывал капсулу, попробовал вращать за рифленый ободок – и получилось! Колпачок свинтился, и Влекомов извлек из капсулы рулон металлополимерной пленки, испещренный знаками.

– Это нам, – прошептал Влекомов, – а прочее – в Акаде-

мию наук!

Он стал было навинчивать колпачок, но спохватился:

– Они же сразу зададутся вопросом: зачем здесь пустая капсула? И догадаются, что я вскрывал ее! Что делать? Чем неземным заполнить капсулу?

Влекумов шагал по веранде, напрягая извилины. Безрезультатно.

– Жень, иди кофе пить! – послышался со двора голос Эмилии.

– Иду! – откликнулся Влекумов, прикрыл аппарат старой телепрограммой и выскочил на крыльцо. Дождик продолжал моросить, но это его не пугало. Он побежал по Тропе Антанты. Во дворе Эмилии тропа была усыпана щебнем. Влекумов поскользнулся, накренился и торжествующе воскликнул:

– Эге!

Наклонился, взял пригоршню гранитного щебня и побежал обратно.

– Ты куда? Остынет! – вскричала Эмилия, наблюдавшая за влекумовскими манипуляциями через окно своей веранды.

– Сейчас! – прокричал Влекумов. Ворвавшись к себе, он промыл щебень под умывальником, промокнул туалетной бумагой и ссыпал в капсулу.

– Вот и образцы неземной породы! – нежно прошептал Влекумов, навинчивая колпачок. – Подарок внеземной цивилизации!

У него стало складываться впечатление, что он заслужил не кофе, а нечто более крепкое. Ну, не выражение, конечно. Влекомов выдернул из холодильника скромно булькнувшую полиэтиленовую бутылочку и побежал к Эмилии.

– Ты чего у меня щебень таскаешь? – недовольно встретила его экс-супруга. Недовольная не хищением щебня, а задержкой Влекова.

– У себя бросил, поскользнулся я там, – соврал Влекомов, показывая бутылочку.

– Ой, чего это ты! – расцвела Эмилия и полезла в холодильник за закуской.

– Чтоб не простудиться! – веско произнес Влекомов. – Сырость вон какая!

Эмилия с готовностью приняла его аргументы.

Киска Манька, восседавшая по случаю ненастной погоды на верхней кухонной полке, неодобрительно посмотрела на них сверху и зажмурила глаза, чтоб не видеть деградацию мамки и дядьки.

Аппарат не закрывался. Влекомов извертелся возле него, пытаясь сложить распахнутый корпус.

– Что-то больно похожа ваша внеземная цивилизация на нашу, причем на исконно российскую! – в сердцах обругал он неповинный аппарат.

Хотелось применить к упрямцу физическую силу. Но антигуманные действия могли привести к печальным послед-

ствиям.

– А с какой стати он открылся? – пришла в голову неза-
тейливая мысль. – Я ведь и открыть не смог, он сам вдруг
раскрылся. Может, в нем таймер какой? – занадеялся Влеко-
мов. – Скажем, через определенное время после приземле-
ния срабатывает механизм раскрывания.

На участке раздалось шипение, звуки суматохи, и мимо
открытой двери промчался, поджимая хвост, Чак, преследу-
емый нетерпимой к чужим недостаткам Манькой. А у Чака,
по Манькиному дамскому мнению, их была масса. И фейс
гнусный, и сам грузный, и запах, главное, отвратительный –
псиной воняет.

Манька гордо прошествовала обратно, не взглянув на
Влекомова. Зато он, уставясь на нее, приподнялся со стула и
пошел к двери. Возникшую мысль он гнал от себя, как при-
видение: чур-чур меня!

Успокоился и, выйдя на крыльцо, стал следить за участ-
ком Виктора, владельца Чака.

Виктор, мастер спорта по хоккею с мячом, отыграл в мо-
лодости за команду северного никелевого комбината, зара-
ботал там же стаж и вернулся на постоянное жительство в
Питер. Дом на участке построил солидный, жил в нем круг-
логодично, отвечал за работу магазина, владелец которого
имел по Оредежской ветке еще три точки. Подряжался с со-
седом Алексеем на строительство домов и колодцев, словом,
брался за любую работу по дачному хозяйству. И свое хозяй-

ство поставил: сажал картошку, овощи, растил яблони, смородину, клубнику, содержал кроликов, кур. Был сыт и витаминизирован. И на расслабуху оставалось.

Чака щенком подарил ему какой-то дальний родственник. Пес бегал за Виктором как привязанный. Но если Виктор спокойно говорил: «Ступай домой!» – Чак, склонив голову, поворачивался и уходил. По пути позволял себе лишь собирать дань, в порядке утешения.

Сейчас Чака не было видно. Влекомов мысленно восстанавливал картину его участия в раскрытии аппарата. Возникшую мысль гнал от себя, как привидение. Да нет, чертовщина! Однако, увидев Чака, свистнул и поманил. Умный пес затрусил к дому Влекомова, подбежал и спросил взглядом: «Чего звал? Надеюсь, не по пустякам?»

– Заходи! – пригласил Влекомов, направляясь к холодильнику.

Чак бодро зацокал когтями по полу веранды.

– Лови! – кинул ему Влекомов полсардельки.

Она исчезла в гостеприимно распахнутой пасти. Морда Чака выражала благодарность и надежду на продолжение банкета.

Влекомов сунул четвертинку сардельки в боковую выемку аппарата.

– Давай-ка попробуй! – предложил Чаку.

На морде Чака промелькнуло разочарование. Видимо, и доза показалась небольшой, и неприятные воспоминания

влияли на аппетит. Все же Чак неохотно приблизился к аппарату и языком извлек кусочек.

Ожидаемого Влекомовым эффекта не последовало.

– Конечно! – почти обрадованно воскликнул он. – С какой стати! Ерунда! Случайность!

Чак согласно кивнул головой. Он тоже успокоился. Эта штукавина в прошлый раз подшутила над ним.

– Получай! – Влекомов сунул оставшийся кусок сардельки в другую выемку.

Чак безбоязненно сунул туда язык. Штуковина заурчала и схлопнула свои лепестки.

Этого Чак не видел. В ужасе он вылетел с веранды, проклиная себя за доверчивость, а Влекомова за коварство и зарекаясь бегать на эти гнусные участки, где приличные с виду хозяева содержат: она – гнусную черную кошку, а он – безжизненную, но тоже гнусную штуковину.

«А еще наверняка себя интеллигентами считают! – возмущался Чак, забиваясь в конуру. – Стар я для этих шуток!...»

Влекомов чувствовал себя еще хуже Чака. Потому что он ни черта не мог понять. Если он кому-то расскажет о происшедшем, следующим его собеседником будет психиатр. Нет, пусть Академия наук сама постигает тайны аппарата.

Он позвонил по мобильнику Кирюхе, договорился, чтоб завтра вывез его с аппаратом в Питер.

Потом сел копировать с металлополимерной ленты зако-

дированный текст.

Никому, кроме Кирюхи, ни слова. Даже Эмилии.

Через полторы недели Влекомов посмотрел передачу по НТВ. Сам он отказался в ней участвовать.

– Пол! – пытаюсь говорить спокойно, произнес Стив в аппарат системы суперзащищенной связи. – Дополнительные сведения о событии, которое мы обсуждали утром. Нет, я догадываюсь, что никаких дополнительных сведений у тебя нет. Это мы работаем на космических скоростях, а вы – люди земные. Ну-ну, шучу! Но у меня действительно появились интересные сведения. Оказалось, тот русский пенсионер, нашедший аппарат, дядя жены моего помощника по связям с прессой Мэтью Фэдича. Ирония судьбы! Мы отслеживали объект до входа в плотные слои атмосферы, он летел на нашу территорию, а оказался на огороде русского пенсионера, родственника моего помощника.

... Что? Нет, он абсолютно не в курсе. Но если русские начнут ломать аппарат, это может кончиться неизвестно чем! Да-да, сцена из «Армагеддона» с Брюсом Уиллисом. Мы не должны допустить такого развития событий!..

... Да, должна быть поднята кампания в прессе. Этот искусственный аппарат из космоса – достояние всего человечества! Он должен быть передан ООН! Созданная под эгидой ООН комиссия, под руководством, разумеется, нашего человека, проведет обследование аппарата в Соединенных

Штатах, на базе учреждений НАСА.

...Конечно, пусть русский будет заместителем. И пусть будет еще пара заместителей – от Евросоюза и стран третьего мира.

...Ха-ха! Русский и будет от стран третьего мира? Ладно, не обижай их, у тебя еще будут поводы. И все-таки этот заветный камушек попал в их огород. К сожалению, не в наш!

...А ведь ты прав! Какой-нибудь тexasский фермер заломил бы десяток миллионов долларов за такую находку на своем ранчо. И нашему правительству пришлось бы раскошелиться! А русские ради науки, ради прогресса, держу пари десять к одному, отдадут аппарат ООН задаром. Максимум – чтобы на пленарном заседании Генеральной ассамблеи им жали руки, говорили об их благородстве да вспомнили Гагарина. Да, это мысль! Я включу ее в тезисы разговоров нашего президента с генсеком ООН и русским президентом. Бай!.. Мой Рейнджер? В здравии и напряженном ожидании... Как чего? Когда я вернусь и погуляю с ним! А как твоя старая сука Скотти?.. Что-то ты сегодня обидчив! «Старая сука» для старой суки не оскорбление, а констатация факта! Причем факта, которым можно гордиться: он свидетельствует об уме и опыте.

...Согласен: мы с тобой старые кобели, и нам тоже есть чем гордиться! Особенно если старым кобелям удастся решить русскую головоломку. Все-таки жаль, что он не упал куда-нибудь в Южную Америку или в Африку!

...О'кей! Жду звонка. Бай!

Стив отключил связь и задумался. Что все-таки можно получить с дядюшки-пенсионера, кроме подробностей приземления аппарата? Может, пригласить его в Штаты, порасспрашивать на детекторе лжи, подвергнуть гипнозу и извлечь всю известную ему информацию, даже ту, что осталась только в его подсознании? Вдруг не согласится? Заплатим! А родственники в Штатах зачем? Должны уговорить! Ради блага человечества! Поездку финансирует НАСА. В конце концов, дядя может быть включен в состав делегации по передаче аппарата ООН.

А может быть, Фэдиш с женой проведает его там, в России? С кое-какой миниатюрной аппаратурой. Обдумаем и этот вариант!

Борис Натанович Иванов рвал и метал. Обычно он метал пламенные взоры и рвал колготки Бэллочка. На этот раз дело обстояло гораздо серьезней.

– Я говорил, мне нужна копия той передачи о космическом аппарате! Сколько раз я должен повторять? Или мне целовать тебе ручки, чтобы ты соблаговолила исполнить мое распоряжение?!

– Повторять свои распоряжения вам не имеет смысла, – медленно проговорила Бэллочка. – Я их записываю! – У нее тоже было дурное настроение: Олег сошел с крючка. Сво-лочь! Что ему надо?! Она была бы ему прекрасной женой –

любящей и верной. И красивой! С такой где угодно не стыдно показаться! А этот жлоб ищет, наверняка, богатую. Найдёт уродину какую-нибудь. – Сволочь!

– Что ты сказала? – изумился Борис Натанович.

– Эта сволочь с НТВ обещала мне прислать копию на следующий же день! – нашлась Бэллочка. – Сегодня я позвоню еще раз и сама поеду за копией! А целовать, насколько мне известно, вы предпочитаете не руки, а более укромные места, – щелкнула она шефа по носу.

Иванов на минуту задумался – видимо, вспоминал эти укромные места. Но вспомнив, мысленно произнес монолог на волнующую в данный момент тему: «Какой-то пенсионер-ришка из Петербурга выступает с расшифровкой писем на обложке аппарата, а нам неизвестно даже, за кого он голосовал! Более того, уже известны зарубежные отклики, а наша Академия наук не мычит, не телится, а наша фракция даже не ставит вопрос на обсуждение в Думе. Даже в Комитете по науке и образованию нет полной информации о событии! И все скажут: где был Иванов? А что скажу я? Я был в это время занят изучением иных вопросов со своей секретаршей! Лучше бы ты, Иванов, молчал! Как в том анекдоте про ученика, который в ответ на вопрос учителя испортил воздух в классе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.